

Константин Стригуновский. СЫНЫ БЛЮЗА, ДОЧЕРИ ДЖАЗА

СЫНЫ БЛЮЗА, ДОЧЕРИ ДЖАЗА

О чём вы думаете по утрам, глядя на идущих мимо людей? Если, конечно, поднимаете глаза от повседневных невзгод и дел. Всё это студенты, менеджеры, продавцы, маркетологи, строители, сантехники, охранники. Когда утром я несу своё невыспавшееся тело среди серой людской массы, я заглядываю им в глаза, надеясь найти что-то живое. Кого-то, кто уже видел жизнь, но ещё не захлебнулся. Не съел тот безвкусный и монотонный кусок тягучей вечности. Но все встреченные утром глаза живут своими мыслями, домами, заботами. И я следую за ними в торопливом и однообразном танце жизни, коротая светлое время суток.

Но день кончается, и, вырываясь усталыми движениями из рабочей формы, я несу свою оболочку, куря предпоследнюю сигарету, за угол людной улицы, в подворотню, где под куском шифера в низком спу-

ске спрятана дверь, откуда, вопреки всем законам и правилам, ещё на пороге виднеется сигаретный дым, слышится контрабас и чей-то хриплый голос.

А внутри уже другая жизнь, где в глаза сидящих за столиками смотреть не столько страшно, сколько тяжело. Где виски подают только со льдом, без всяких холодных камешков. Где собрались на отдых, привал или покой изгой поколения селфи и латте. Этих людей не заманишь итальянским залом, элитной атмосферой и крутыми тачками. Эти мужчины и женщины, как принято их называть, когда-то пытались повзрослеть, но оказались слишком мечтателями, слишком поэтами или слишком романтиками, чтобы у них вышло это.

Подходя к барной стойке, я чувствую на своей голове невидимую шляпу, навешенную мне атмосферой, саксофонистом и тоской. А все вокруг словно бы молча соглашается с тем, что она есть, и даже бармен понимает, что я смотрю на него из-под шляпы, когда заказываю стакан Джон-

ни Уокера и закуриваю. Отпив холодного виски, я оглядываюсь вокруг. Кто-то прячется в плащах, балахонах, а кто-то сидит в дорогих костюмах, а может, и не очень-то дорогих. Девушки в вечерних платьях или обычных джинсах и свитерах. Но дело не в дресс-коде, его бы здесь никто не решился ввести. Дело в душах. В заблудившихся и усталых душах мужчин и женщин, а может, мальчиков и девочек. Сынов блюза и дочерей джаза, затерянных в галереях офисов и спрятавшихся в дыме догорающих сигарет и мечтаний.

На сцене поёт какой-то парень. Вид у него такой, словно он ехал в товарном поезде зайцем от самого Питера, сжимая в кармане обручальное кольцо, как руку покойника, с чьей смертью ему не дано смириться. На нём старый плащ, шарф, тельняшка и драные джинсы.

За его спиной, в дыму, бродят, как тени, гитарист, саксофонист, контрабасист. Этим четверым, наверное, достался самый горький кусок пресной тягучей вечности, если

они смогли петь. А может их роль, наоборот, слаще нашей. У них хотя бы есть место под менеджерским солнцем, встающим к девяти на работу.

Отвлекаясь взглядом от стакана, вижу девушку. Сложно сказать, сколько ей лет. Телу её, может, немного за двадцать пять, душе – чуть больше восемнадцати, глазам давно уже за пятьдесят. Но, несмотря на это, в серо-голубых зрачках светится искра безумства, играющая из-под шляпки с вуалью чёрного цвета, прикрывающей лицо. Её короткое чёрное платье кончается чуть раньше, чем стоило бы кончаться платьем приличной девушки, но говорить о приличиях с такими ногами тоже, по-своему, моветон.

Голубые глаза, игривые жесты, тихий голос, теряющийся в звуках музыки. Она могла очаровать, похитить, забрать себе любого мужчину, способного чувствовать. Но выбрала она меня. И не потому, что я красавчик. Скорее, наоборот. Хищницы, змеи – вот как зову я тот слой красивых,

сильных женщин, что правят жизнями. Как туда занесло эту девушку – я не знаю, и мне жаль, что её беззлобной душе пришлось научиться искусству лжи и соблазна прежде, чем её сожрали её же учителя. Теперь она здесь, как и я. Она падальщик. Впивается в тех, кто не боится потерять что-то, связавшись с ней, потому что имеет в кармане дыру да свою раненную душу.

Беседа была лёгкой, алкогольной и ни о чём, словно мы просто говорили случайные слова. К третьему стакану Уокера я стал понимать, чем закончится этот вечер, и от того на душе стало радостно и тоскливо одновременно. Случайная женщина, и ночь, полная пустой и сжигающей душу, но согревающей страсти. Мы оба хотим просто любви и тепла. Хотим прекратить своё одиночество, спрятанное где-то под улыбкой или выпивкой. Но нам не решиться сказать это вслух. Не зная, кто лжец, а кто праведник, остаётся лишь молча смотреть. И, пропустив ещё стакан, мы решаем ехать ко мне.

Рассчитываюсь с барменом, и закрываю за собой дверь, вдыхая прохладный воздух ночного города с примесью газов и запахами помоек. Мы бредём, говоря о разном, и наши беседы обретают смысл. И каждый ищет в своём собеседнике искры тепла или ноты отчаянья, силясь узнать, насколько сильно он ошибся на этот раз. Может, для того чтобы проще утром расстаться, а может, чтобы приглушить немного отвращение к себе.

Сознание, вовлечённое в игру алкоголем и страстью, радостно, как ребёнок с коробкой мелков, рисует мне сладкий вкус её губ и горький вкус встреч-однодневок, грязных мыслей, холодных прощаний. Мы всё же немного дети, нам мерзко и грустно от жестоких взрослых интрижек. Но страшно в них не играть. Словно бы – скажи я ей: “давай встретимся завтра”, – и меня тут же дисквалифицируют за нарушение правил взрослой жизни.

Всё неизбежно, и вот мы дома. Музыка, бокалы, постель. А после она говорит что-

то сквозь сон, лёжа на моём плече, уставшая достаточно, чтобы быть не в силах беспокоиться, и оттого чувствует покой и защищённость, а я обнимаю её и закрываю глаза, представляя, что жизнь моя не пуста и безлюдна, как солнцем выжженные пески. Всё ради этой минуты. А затем забытьё.

Но утро, подобное смерти для обмана, поднимает меня с постели, оставляя её видеть сны, и принуждает волочить мою истерзанную душу в офис, в серую безликую массу. И где-то за униформой прячутся дочери джаза и сыны блюза, и может, я вечером встречу ту девушку с прикрытым вуалью лицом. А может быть, кто-то давно в этом мире мёртв и лишь пытается причаститься к жизни. Только мне в моём прокуренном баре понять не дано, я ли умер или та масса, что каждое утро несётся со мной на работу. А может, и нет живых.

ТУМАННЫЕ СТРОЧКИ В НЕБЕ

Здравствуй, любимая!

По вечерам, когда ночь застилает горизонт своим крылом и больше не видно ни будущего, ни суеты, сквозь полупрозрачный туман неизвестности я вижу тебя.

Ты сидишь на углу дивана, завернувшись от осенних холодов в мою чёрную рубашку, улыбаешься...

Может быть, ты даже слышишь порой, как я шепчу тебе в темноте всякие глупые нежности.

Я не знаю ещё ни имени твоего, ни лица... Но мне необходимо найти тебя, и вручить скромным даром целый мир, полный света, мечтаний и любви. Бережно охраняя, я не решаюсь войти в него один, чтобы именно для тебя этот мир был первым, а ты была первой для него. Богиня моего мира... Не бойся, он позаботится о нас.

Мне порой становится страшно, кажется, что я прошёл мимо тебя, не узнав, не почувствовав.

Ах, как страшно порой думать, что, закутавшись в куртку от ветра, закрывшись от мира, я могу пройти мимо тебя.

И хочется открыться каждой, и с душой нараспашку шептать: «Милая, ты ли это?».

Я волнуюсь о тебе. Вдруг ты больна, но о тебе некому позаботиться, или попала в беду – и тебя некому спасти, или несчастна, а тебя некому утешить.

Я всё ищу, но в призрачной бестолковой толпе никак не могу разглядеть тебя.

Прости...

Жди меня, где бы ты ни была, ищи, так мы быстрее встретимся. Я знаю, что наша любовь неизбежна, как неизбежна смерть.

Прошу, не отчаивайся, верь, и шепчи по ночам для меня то, что чувствуешь.

Я слышу тебя. Я иду к тебе и по воде, и дорогами туманов и ливней, и тропами льда и снега, ориентируясь на твой шёпот в ночи. Я уже рядом, только не замолкай. Ещё немного, любимая, и мы, наконец, найдёмся.

Твой любящий и безымянный – я.

ВОЙНА ДЛЯ МЕРТВЕЦОВ

Стоит тебе застыть, как ты поймёшь, что весь мир несётся куда-то с безумной скоростью, и все они вместе потоком уносятся прочь.

Мимо.

Давно пора бы понять, что в этом мире ты один, и ничто и никто никогда не коснётся тебя, если ты вдруг остановишься.

Поток повторяет – беги. Это гимн, это лозунг.

Остановись и подумай, куда ты идёшь. Идёшь ли вообще, или просто с потоком строишь иллюзии жизни, пропахшие сном Будды, как потом старые носки, и правда ли ты живёшь?

Живёшь ты или бежишь от того, что за тобой гонится?

И никому не хватит смелости выйти из потока и посмотреть, кто же гонит стадо?

Страх, смерть, пустота.

Мы цепляемся за свои жизни изрезан-

ными больными руками, стараясь не потерять ту призрачную ниточку, что соединяет нас со сном, который мы видим, пока не проснёмся от страшной боли в груди.

Очень живой сон?

Сон про то, как ты живёшь, и дышишь, и любишь, и добиваешься, и, наконец, умираешь? Это и не жизнь вовсе. Только лишь огромный коллективный сон миллиардов беглецов от того, чего нет.

Не оглядывайся.

Ты беглец, фаворит реальности. Ты живой, и это прекрасно. А я, отвратительно реальный в твоём сне, скоро его покину. Потому что алчное Ничто уже близко, что бы получить мою порцию тумачков, и в итоге сожрать алкоголем, развратом, смертями, отчаяньем, пустотой и одиночеством. Такие они, герои никому не известной войны.

Авангард чужого тыла.

Допустимая жертва.

Да. Мы всего лишь погрешность.

ХОЛОД И НОЧЬ

Холод и ночь ежедневно, как заглавие моей жизни, и как первые строки любых мыслей.

Холод и ночь медленно опустили пожирающий пространство взгляд на тёмный город. Никогда не был город столь сияющим, как в эту ночь...

Никогда я так остро не ощущал отвращение от этого города...

Я бы хотел прямо сейчас окунуться, раствориться в крови его, скользящей по венам дорог... Забредать в паб, набираясь там до синевы, но продолжать разносить своё слово по отравленному городу.

Есть вещи, которые известны мёртвым лучше, чем живым.

Первая из них – ничего более не изменить. Можно только менять декорации...

Мы отравили тело матери, которая кормит наших детей, для придания ей более модного цвета.

Мы на войне, дамы и господа. На войне за разумы, где каждого из нас имеют в мозге, кому выгодна толпа подготовленных зомби. В припадках отчаянной паранойи, я даже не могу ручаться за свою трезвость. Но всё, что хочется крикнуть напоследок – холодные ночи ...

Содержание

СЫНЫ БЛЮЗА, ДОЧЕРИ ДЖАЗА	2
ТУМАННЫЕ СТРОЧКИ В НЕБЕ	9
ВОЙНА ДЛЯ МЕРТВЕЦОВ	11
ХОЛОД И НОЧЬ	13

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел
С 85

*Серия «СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР»
основана в 2008 году. Выпуск 2 (35) 2015.*

Константин СТРИГУНОВСКИЙ.

С 85 СЫНЫ БЛЮЗА, ДОЧЕРИ ДЖАЗА...: [текст] /
Константин Стригуновский. – Старый Оскол:
Изд-во «РОСА», 2015. – 16 с.

Редактор Ольга Филиппова
Корректор Нэлли Кладова
Вёрстка – Пётр Гасев

При оформлении обложки использован
рисунок Ивана Серезентинова

Издательство РОСА

Главный редактор Сергей Галиченко.

Российское общество современных авторов
309518, Белгородская обл., г. Старый Оскол, а\я 1156.
e-mail: 885533@mail.ru <http://www.art-rosa.ru>

Подписано в печать 15.12.2015 г. Усл. п. л. 0,47.
Формат 60x841/32. Бумага офсетная. Гарнитура
Garamond. Тираж 110 экз. Заказ № 248.
Отпечатано в типографии «Квадрат».

© Константин Стригуновский, текст, 2015
© Издательство РОСА, оформление, 2015